

Константин
Кравцов

АВАРИЙНОЕ ОСВЕЩЕНИЕ

Стихотворения

Москва
2010

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
К 78

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц
Главный редактор серии Андрей Тавров
Оформление серии Валерий Земских

К 78 Константин Кравцов
Аварийное освещение. — М. : «Русский Гулливер»/Центр современной литературы, 2010. — 64 с.

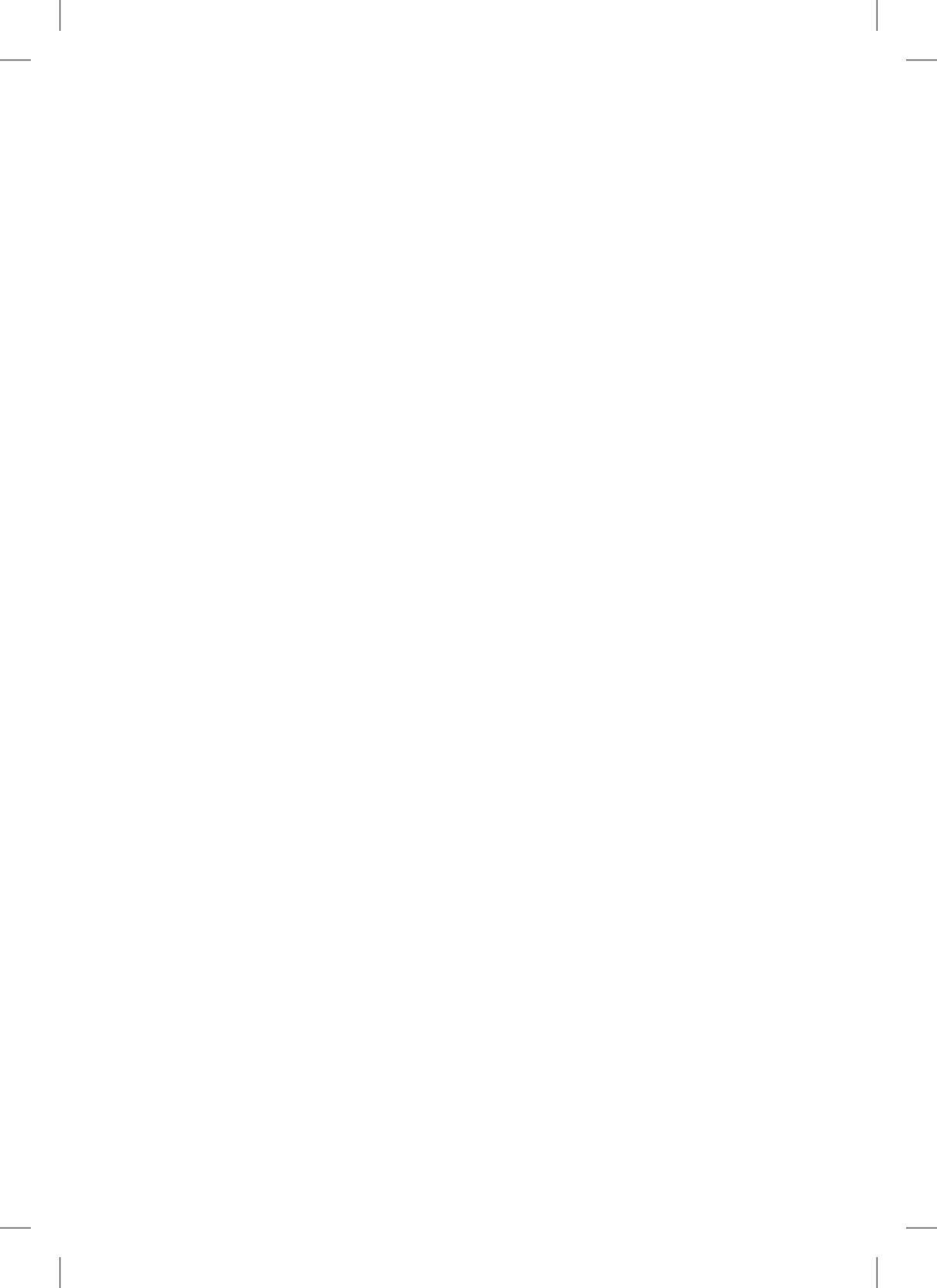
ISBN 978-5-91627-038-9

© К. Кравцова, 2010
© Русский Гулливер, 2010
© Центр современной литературы, 2010

Кравцов Константин Павлович.

Родился 5 декабря 1963 года. Учился в художественном училище в г. Нижнем Тагиле, работал художником-оформителем, журналистом, сторожем, разнорабочим на стройке, дворником. Окончил Литературный институт им. Горького. В 1999 принял священный сан (РПЦ). Автор трех книг стихов. Публиковался в журналах «Знамя», «Октябрь», «Интерпоэзия», «Воздух» и др., антологиях «Salt Crystals on an Ache», «Русская поэзия. XX век» «Нестолничная литература», «Современная литература народов России» и др. Лауреат Филаретовского конкурса христианской поэзии в Интернете (2003 г.).

Живет в Подмоскowie.

*ИКОНА ОТСУТСТВИЯ,
или
АВАРИЙНОЕ ОСВЕЩЕНИЕ*

*

Передо мною — новый сборник стихов Константина Кравцова. Удивительно и незаметно: сборник стихов поэта, пишущего в последнем десятилетии двадцатого столетия, и в первом пятилетии двадцать первого. Является ли в этот период поэзия одним из последних бликов цивилизации, или же это только увлечение, наподобие погружения вглубь (сознания или океана, возможно, что и чувств) — ответить страшно. Трудно расставить какие-либо опорные точки. Стихи, о которых я хочу рассказать — для меня самой парадокс. Кравцов мог бы стать, скажем, живописцем, а стал поэтом. Об авторе известно, что он учился в художественном училище. Несколько стихотворений в сборнике посвящены иконописи. В сознании опытного читателя поэт — представитель мира звуков, он музыкант слова. Или всё же художник слова, как Константин Кравцов — вот книга.

*

Когда Владимир Микушевич и Сергей Аверинцев писали стихи и трепетно переводили любимых авторов, в советский круг чтения не входивших, вряд ли они могли представить, какое прочное место займёт христианство в поэзии первого десятилетия следующего столетия. Когда другая культура: Александр Миронов, Леонид Губанов, Ольга Седакова — грелась возле нафосного костра последних поэтов, тайны грядущего тридцатилетия вряд ли согревали её. Поэт Александр Матюшин, который вскоре стал иеромонахом Романом, чувствовал себя одиноким христианином в мире, утратившим христианство.

Судьба союза поэзии и христианства в русской культуре оказалась совсем иной. Может быть, всё, что есть в современной культуре — мощи христианства и поэзии. Всё — поэзия и всё — христианство. Тридцать лет назад предположить было невозможно, чтобы в молодом и успеш-

ном светском издательстве вышла книга стихов священника. И дело не в советском режиме, вовсе нет. Изменился не режим, изменилось пространство.

Две уже вышедшие книги Константина Кравцова — «Январь», Э.РА, 2002 г., и «Парастас», изданный в серии Арго-Риска «Воздух» в 2006 г. — тому подтверждение. Предлагаемая читателю книга «Аварийное освещение» — ещё одно звено в цепи союза поэзии и христианства. Кравцов бережно переносит стихотворения, как тела отпеваемых, из книги в книгу. Ведь в «Аварийном освещении» есть стихотворения из «Января» и из «Парастаса». Однако это внешнее сходство обманывать не должно. Стихотворения изменяются, приобретают новые краски и новые формы. Это весьма смелый приём: замедленная, долгая, как великопостное богослужение сцена, делящаяся из эпохи в эпоху и застывающая паузой на странице книги. Это образ искомого пространства (некто сказал бы: второго рая) преображённого христианством искусства.

*

Вот отзыв о поэзии Кравцова, который миновать не могу: «одиночное плавание». Он бегло отображает черты этой поэзии, и её символику. Образ воды у Кравцова встречается едва ли не в каждом стихотворении. Чаще всего это лёд, замёрзшая вода: «То коньками изрезанный лёд за бортом, / то ночные под ним проплывут патрули», «квадратом черным дышит иорданью». Плавание во льдах. Оксюморон! Тенью возникает образ Антарктиды, едва ли не Армагеддона, земли Судного Дня. Череп пингвина, похожий на НЛО.

Церковь часто сравнивают с кораблём. Первое стихотворение в книге отсылает к кораблю дураков, а посвящено Ивану Жданову, одному из самых ярких поэтов московской поэтической оппозиции восьмидесятых, старшему товарищу Кравцова в поэзии. Снова оксюморон. Ведь Кравцов — священник. И тем не менее.

*

Книга открывает мир, в котором уже произошла катастрофа. Название — «Аварийное освещение» — последняя вспышка на метафизическом табло, обозначающая момент катастрофы. То, чего ожидали, что только предполагали и отчасти чувствовали поэты другой культуры, для Кравцова уже произошло. Поэт «Аварийного освещения» находится внутри хаоса, почти во тьме, в которой едва можно отличить живое от неживого, и то не наверняка. К тому же этот поэт — священник. И его прихожанами оказываются не только люди, как живые, так и мёртвые, но и книги, и даже череп пингвина. Поэт вбирает в себя всё, что осталось от прошлого, бережно выкладывая свои прихотливые коллек-

ции перед Богом, как если бы это был он сам. Кравцов-священник пишет о самоубийце Ван Гоге, об Эзре Паунде и Готфриде Бене, о Николае Шипилове и Денисе Новикове. Которые оживают в нём, поэте, и в которых он присутствует стихами и молитвой. Никому из великих не нужны стихи и молитвы, но если поэтическая речь не цель, а способ связи, метафизический телеграф, то возможен ответ. Эй, есть тут кто живой, там, в третьем отсеке. Герой «Божественной комедии» странствует по миру после катастрофы. Он видит то же, что поэт и священник Константин Кравцов.

*

Полые пространства подо льдом — листья как трупные пятна. Стёртый до кости лик. Не просто метафоры или эффектные образы. Это уходящее в древнюю глубину зрение, воспринимающее мёртвых как живых. Живые и мёртвые в поэзии Кравцова равны. Посвящения усопшим: Денису Новикову, Николаю Шипилову — посвящение живым: Ивану Жданову, Ирине Перуновой. Живые как имеющие стать мёртвыми и мертвые для людей как живые для Бога. Фоном возникает снова образ Антарктиды и корабля. Плавание завершается. Приближаемся к Антарктиде. Антарктида — антиземля. Земля наизнанку. Мир после катастрофы — тоже земля наизнанку.

9

*

Живое, ведущее потустороннее существование — вот основная тема «Аварийного освещения». И русские авангардисты, и обэриуты, и измученные тоской эмигранты, и некто, вещающий в «Основах православной культуры» (Председатель) — все они кажутся более живыми, чем упоминаемые тинэйджерсы и юные сюрреалистки. И наоборот: как раз эти юные мутанты и привлекают взгляд поэта как единственное в новом мире, что обладает дыханием и движением. Музыка сфер для тинэйджерсов — головы-цветы.

*

Мир поэзии Кравцова вместе труден и изыщен. В него страшно войти, но там, в этом мире, ожидает помощник, некий неназванный Вергилий, ведущий поэта и читателя по кругам вселенной, в которой уже нет привычной нам земли, а только «полые пространства подо льдом». Условно этот мир можно назвать «Землёй королевы Мод» — легендарной королевы Маб, возникает звуковое эхо. Не античное царство мёртвых, Элизиум. Не шеол, для которого достаточно лампочки, нет. Таинственное и не вполне завершённое пространство, само бытие которого висит на волоске, держится чудом.

*

Лучшие стихи Кравцова напоминают мне стихи Александра Миронова: нервическим, упругим ритмом и двумя весьма редкими в современной поэзии методами: обратной перспективой и тем, что я назвала бы возвратная метафора.

Обратная перспектива возникает в поэзии Кравцова там, где вздыблена весенним льдом память. Будь то эстетское по виду (и вселяющее ужас) воспоминание о Босхе, или же памятная дата давно почившего друга. В обратной перспективе предметы, изображённые на втором плане, кажутся больше тех, что изображены на первом, переднем. В стихах «Алтари твои, Босх...» и «Чукче удаляют камни глупости» над почти мультипликационным чукчей и льдом, изображённым как текущая вода у Тарковского, возвышаются контуры Босховианы. Оба стихотворения (а так же «Юные сюрреалистки с головами-цветами и другие частичные галлюцинации» и «Пересекая таганскую площадь») выполнены в обратной поэтической перспективе. Они опрокинуты в прошлое, как люди в обморочном состоянии. И они ищут (во сне или в грёзах) завершившийся, как упавшее яблоко (Кравцов любит Манделштама) мир, которого больше нет. На деле есть только место, где когда-то висела икона. Остался отличающийся от стены по цвету, как будто слегка замасленный, прямоугольник. Это и есть икона отсутствия.

10

*

В стихотворении «Луна Мэла Гибсона», о Страстях Христовых, имя Христа не упоминается. Это принципиальное неупоминание может насторожить: в масонском обряде тоже не упоминается имя Христа. Последовательно цитируются строки из Ветхого Завета, имена артистов, географические названия, связанные в сердце поэта со Страстями Христовыми. Говорится и о фильме: «фильм о Пасхе Распятья снимался весной». И только не говорится о Христе. Однако упоминается «голливудский австралиец», его игравший. Всё стихотворение — метафора. Возвратная метафора, метафороотражение.

*

Цитаты из Ветхого Завета («Исход») и Нового Завета («Апокалипсис» или «Откровение») выстроены одна напротив другой, в зеркальном коридоре. Поэт намеренно не подчёркивает противостояния, но и не указывает на сходство. Фрагмент из Книги Чисел, описание воинства Израиля — и Небесный Иерусалим. В обоих фрагментах упоминаются Двенадцать колен Израилевых; знаки, прикреплённые к облачениям иудейских первосвященников с именами этих колен. Символ колена (собрания родственников) — конкретный камень (сапфир, яспис и оникс). На

камне написано имя колена, и эти камни прикреплены к одеянию перво-священника, осудившего Мессию:

— Тридцать, тридцать, Иуда. На этом сошлись мы —
(Указывает на судный нагрудник с именами колен
Рувима и Симеона, Иуды и Левия, Вениамина,
Иосифа и Ефрема, Манассии, Завулона и Гада,
Дана и Неффалима), мы и ты
— Да, — отвечает Иуда (Лука Льюелло)

Между обоими фрагментами возникает безвоздушное пространство. Оно спаивает всё стихотворение (большое и пёстрое) в один фрагмент, словесную фреску. Сразу же после прочтения возникает сильное возвратное движение — к стихотворению «Русский авангард» с эпиграфом из Александра Введенского: кругом возможно Бог...

*

И тогда по всей книге, как после того, как вода Потопа сошла, когда обнажилось, наконец, самое дно катастрофы, возникают как несколько раз повторённые «яспис, сапфир, халкидон» детали пейзажа: камни, низкие деревца, пасмурное небо. Искусство, христианство, музей краеведения — предстают как вещи — предметы уже не существующего мира в совершенно новой, пугающей вселенной. Священник как капитан корабля, прибывшего — куда: Солярис, Антарктида... Может быть, не священник, а поэт. Или представитель культуры той или иной ушедшей цивилизации.

11

Наталья Черных

ТРАВЕЛОГ КРАВЦОВА

Итак: земля была безвидна и пуста; *и* —

называлась та земля Ямал,
но говорить я власти не имел
и имени ее не называл —

— *или:*

А любить здесь — безлюдную землю узреть,
пережившую воду потопа —

12

— *или:*

Вот стоящий по плечи в крови,
сад становится почвой — той красной землей —

— *или:*

усталые от жатвы небеса
сойдут на землю, ждущую зимовья —

— *или:*

Флоренский, мерзлота, косые сваи
Бараков детских — мокрых стойбищ крика,
Над ними краски зиждутся, истаяв
До костной ткани содранного лика,
И ягелем горит изнанка слога —

— как замечено критиками, книги стихов Константина Кравцова делятся, перетекают одна в другую, тексты бесконечно плаваются, плывут и кристаллизуются вновь в тигеле авторских редактур, —

чтож, для нас с вами это — подарок, велия милость: мы можем войти в них с любого места, не прищуриваясь подслеповато в попытке разобрать дату под стихом (дату, нацарапанную коченеющей на морозе рукой, обгоревшей спичкой на листке, криво устроенном на походном планшете), — если мы останемся внутри поэзиса Кравцова, мы не почувствуем себя в заточении: мы чувствуем ритм движения, покачивание каравана, плеск волны в борт, подергиванье икры уставляющего покрепче ногу в скальный уступ, — стихи Кравцова есть путешествие, его книги — травелог.

Путешествие выбираем из всех — подводное: внутри книг Кравцова — «Приношение», «Январь», «Парастас», вот этой — «Аварийное освещение» — мы путешествуем вместе с автором, как внутри подводной лодки — великолепный образ одного из лучших стихотворений Кравцова:

Донесенья подводников Деница,
Оледеневшие рубки его субмарин,
Гравий и ветер, остовы скал,
Основанья земли, перетертые в гравий,
Лишайник, слюда незавидных земель —

13

и видим пространство человеческое, но искореженное катастрофой (вот ключевое слово, мы еще вернемся к нему), путешествуем среди затонувших атлантид, погребенных, но невероятно живых культур — русская культура Серебряного века и серебряное эхо ее языка в реалиях наших дней, евангельские сюжеты и лица современников — жителей любых эпох (сгущение времени — в вечность), среди оголенных проводов, коротких замыканий и смыканий, снопов человеческого огня, — слог автора не экзальтирован, глуховат, иногда — горло его трагически сжато —

— Весь этот груз обломков, ужас тела,
Уносит куклу черная вода,
Инверсионный след горит на солнце,
Луч на рожке подушки кислорода,
И вот уже не нужен кислород,
Как с ней не надо света. Ужас тела?
Сказать, что это я, что не молился,
Не выносил пасхального трезвона
И не молился никогда? —

— но голос тверд. Православный священник и обостренной духовной чувствительности христианин, он возвышает этот сжимающийся от любви и тревоги голос — следуя за Христом в Его посыле не добить или отменить, но преобразить и спасти этот наблюдаемый мир — до высот порой учительных и пророческих, — тот, кому повезло слышать по радио или прочесть в Живом Журнале скрипты о. Константина Кравцова на евангельские темы, тот согласится с этой моей оценкой.

Интонации тревоги — более чем органичны в описании примет видимого Кравцовым из иллюминатора мира: он — спиной к экипажу лодки, лицом — вжавшись в темное стекло (не на Летучем ли Голландце собралась вместе катастрофа — кого? призраков?... кто за штурвалом субмарины, кто ведет цивилизацию и — куда?...), словно загоразживая пейзаж своим телом, охраняя его от последнего распада...

Да, «катастрофа» — ключевое слово в этом травелоге, и название новой книги точно ему соответствует. Лучше, чем сам Кравцов, пожалуй, не скажешь, и я приведу его слова о мире собственной поэзии из его комментария на отзыв Натальи Черных на «Аварийное освещение» («Икона отсутствия»):

Н. Черных: «...В него [этот мир — С. К.] страшно войти, но там, в этом мире, ожидает помощник, некий неназванный Вергилий, ведущий поэта и читателя по кругам вселенной, в которой уже нет привычной нам земли, а только «полюс пространства подо льдом». Условно этот мир можно назвать «Землёй королевы Мод» — легендарной королевы Маб, возникает звуковое эхо. Не античное царство мёртвых, Элизиум. Не шеол, для которого достаточно лампочки, нет. Таинственное и не вполне завершённое пространство, само бытие которого висит на волоске, держится чудом»

К. Кравцов: «Здесь названо главное. По сути, мир после грехопадения и есть мир после катастрофы, где действительно все держится чудом. Именно об этом и речь. Аварийное, но — освещение (освящение — подразумевается, не называясь прямо)»

Сергей Круглов

ХОЛОДНЫЙ ЦВЕТ ИСТИНЫ

Чаще бывает так, что поэт стремится к полнозвучию и самобытности голоса, пробивается к себе — и направление движения, в общем, понятно, остается успеть. А вот в случае Константина Кравцова эти полнозвучие и самобытность возникли если не сразу, то рано. Как ни странно, этот несомненный дар, как теперь сказали бы, бонус превращается в проблему. Нельзя стремиться к тому, чем уже обладаешь. Или — начиная партию в выигранной позиции, трудно ее длить. То, что в другой ситуации было бы целью и определяло художественные средства, в зрелых стихах Кравцова становится средством — и требует высокой цели. Голос есть, осталось сказать.

Как ни банально, цель Константина Кравцова — поэта, священника, человека — истина. Возможно, я ошибаюсь, но некоторые интеллигенты принимают сан, чтобы, наконец, закрыть важнейшие темы, прекратить их терзать. К о. Константину Кравцову это заведомо не относится. Здесь и сейчас, где мы с вами в разной степени стесняемся быть героями Чехова, Кравцов не боится быть героем Достоевского. Корпус стихотворений «Аварийного освещения» может быть прочитан и как длящийся диалог Ивана и Алеши Карамазовых, где поэт, прекрасно прозревая сквозь реальность контуры вечного мира, этот, здешний, то принимает — то все-таки нет. Точнее, постоянно и принимает, и нет — из этого биения пульса образуется энергетика книги.

По меньшей мере, опасен, а, возможно, и губителен разрыв между жизнью поэта и сутью его стихов, а также — между его повседневным и поэтическим словарями. Иннокентий Анненский сделал лирического героя частным лицом. Николай Гумилев поступил иначе — превратил свою жизнь в жизнь романтического героя. Кравцов, несмотря на расположенную в книге отсылку к Анненскому, идет скорее по пути Гумилева. В отличие от большинства поэтов, заземляющих поэтический язык до бытового, Кравцов скорее поднимает

бытовой до поэтического. Любое редкое, раритетное слово в этих стихах становится теплым, обжитым, живым.

Излюбленная цветовая гамма Кравцова — бедная, где-то возле того, что фотешоп деликатно называет оттенками серого. Цвета пробиваются несмело и как бы чудом — так иногда черно-белое фото, выцветая, становится неярко цветным. Здесь и излюбленный автором северный ландшафт, и внятная оппозиция черного и белого, но, пожалуй, важнее остального — тот момент, когда только-только прорывается световой луч, и мир начинает окрашиваться.

И было промозглое взморье,
Шельф и поморник на камне,
Горный хрусталь в рюкзаках
И под ногами череп пингвина —
Белый, как вырезанный из бумаги
Летательный аппарат,
А над головами кружил альбатрос,
Солнце явилось, окрасило золотом ртуть
Ила среди развалин
Потустороннего Кенигсберга

16

Так же изредка, как цвет, в «Аварийном освещении» пробивается от-крытая мелодичность. Основу книги составляют относительно длинные верлибры и чередующиеся с ними короткие рифмованные стихи. Думаю, эта пропорция характерна именно для этой книги, именно для этого этапа творчества Константина Кравцова.

Аварийное освещение — довольно ясная ситуация. С одной стороны, какая-то неприятность уже произошла, и, весьма вероятно, ее разрушительная ак-тивность продолжается. С другой — ведутся спасательные и восстановительные ра-боты, на то и освещение. Как ни парадоксально, нет тревожного ожидания; есть деятельность.

Так бы я и определил существо этих стихов — они деятельны. Окажутся ли действены — судить читателям.

Леонид Костюков

АЛТАРИ ТВОИ, БОСХ...

Ивану Жданову

Алтари твои, Босх, дураков корабли,
Над бетонкой висит мертвый спутник земли:
Лед и трупные пятна листвы под льдом —
Под светящимся льдом над ступенями плит,
Но не славен никто, да и жив ли пиит,
Там, за морем дождей, свой поставивший дом,
Обустроивший скит?

То коньками изрезанный лед за бортом,
То ночные под ним проплывут патрули,
И погасят огни Геркуланум, Содом,
Алтари твои, Босх, дураков корабли...

ABENDLAND

Донесенья подводников Деница,
Оледеневшие рубки его субмарин,
Гравий и ветер, остовы скал,
Основанья земли, перетертые в гравий,
Лишайник, слюда незавидных земель —
Русским оставил Кук
Честь их открытья,
И было промозглое взморье,
Шельф и поморник на камне,
Горный хрусталь в рюкзаках
И под ногами череп пингвина —
Белый, как вырезанный из бумаги
Летательный аппарат,
А над головами кружил альбатрос,
Солнце явилось, окрасило золотом ртуть
Ила среди развалин
Потустороннего Кенигсберга,
И было упорство ветра,
Был укреплен валунами крест на утесе,
И руины горного кряжа в проливе Дрейка
Мы созерцали в Татьянин день,
Красовицкому предоставив
Мистику хельдингов,
Мистику полых пространств подо льдом
Земли Королевы Мод

КРУГ ЧТЕНИЯ

Военный венеролог Готфрид Бенн,
Певец красоты бесславной и безобразной,
Признанный вырождаком и исключенный
Из союза чистокровных писателей,
И другой изгой, трамвайная вишенка,
Назвавшая вырождаком диктатора, поправшего Рим
Тяжелым своим подбородком — того самого вырождака,
Которого славил третий, заплативший за эти симпатии
Пребываньем в железной клетке под пизанским солнцем
И двенадцатью годами психушки —
Все они сейчас за одним столом,
И вечный полдень длится, изливаясь
На праведных и неправедных, на каждого,
Кто в пору цветенья распада, гибели богов,
Рождения трагедии из духа музыки
И музыки из духа трагедии,
После смерти Запада (он же Север),
Оставил в его груди малютку-астру,
Воткнутую кем-то в шутку
В рот утопленника, развозившего пиво,
Соскользнувшую в мозг при вскрытии
И перемещенную к сердцу покойника
Рукой поэта, что преодолел таким образом
Пресловутый разрыв между умом и сердцем —
Разрыв, о котором так много говорили
Начитавшись Исаака Сирина
Ранние славянофилы

РУССКИЙ АВАНГАРД

Кругом возможно Бог
А. Введенский

Светлая погода приходит от севера
и окрест Бога страшное великолепие
Книга Иова

Флоренский, мерзлота, косые сваи
Бараков детских — мокрых стойбищ крика,
Над ними краски зиждутся, истаяв
До костной ткани содранного лика,
И ягелем горит изнанка слога:
Бесмыслицы звезда или икона
Отсутствия кругом, возможно, Бога,
Светла погода, облакопрогонна,
Тряпичной куклой вмерзшее страданье
Вербует крестной славы очевидца,
Квадратом черным дышит иорданью
И тундрой яко ризой облачится

МУЗЕЙ КРАЕВЕДЕНЬЯ

Мост без бортов, городишко внизу, церковь, взорванная давно

— А вон громоотвод, видишь? Знаешь, что такое громоотвод?
Это проволока, чтобы молния уходила в землю

Развалившийся надвое клен, блестящий изнанками листьев,
Мокрая зелень, песок, гаражи

— А что здесь раньше-то было?

— Раньше-то? Музей раньше был. Краеведческий.

О истории нашего края. Музей краеведенья.

Очень хороший музей, между прочим, да, Нина?

А до этого церковь была

Чучела оленей и птиц, стеклянный, но взгляд,
Хоровод безголовых туловищ в сарафанах
Под пунцовыми облаками и розовощеками ангелами,
Оползающий снег, перья подернутых копотью крыльев,
Выцветшие струйки бегут из под шляпок гвоздей,
Вбитых в ступни, сухие бессмертники всюду,
Видимость близится к нулевой,
Похмельные головы призывников, согнанных на траурный митинг,
Густо белы, нет, серы и вот-вот растворятся в сумерках,
Все куда-то летит, проваливается вместе с землей,
Ставшей пухом генсеку, пухом Венериной колесницы,
Тоже разбитой, взгляни: вот обломки колес,
Кузовка под стеклом. Что он там говорит, подполковник,
Что он несет там с помоста? Генеральный секретарь
Коммунистической партии, величайший из полководцев,
Приидите, соберитесь все, иже благочестно в житии пожившии,
И восплачите о душе, отчужденной славы Божия
И работавшей студным демоном со всяким тщанием

— Они нашли мертвого лебедя возле пруда и тот мальчик —
Она говорит, ему было лет десять, откуда ей знать,
А ведь точно: прошло десять лет, короче, тот мальчик,
Назвавшийся ее братом, он ей говорит: ты не плачь,
Лебедь не мертвый, он оживет. Представляешь?

Холм с кумачовой фанерной тумбой, дождь, ручьи,
Сорванные ветром венки, жалкие, грязные вьюнки из салфеток,
Сугробы полярной весны: свет и холод, холод и свет,
Разведенные на молоке краски, яблоко, падающее в восемь утра
В ладонь спящей в саду, в гамаке, невестки умершего,
Да, подтверждает голос, да, ты опять залетела.
Эту девочку ты сохранишь

— И очень, матушка, важно, записки подавать почаще.
Одна раба Божия рассказывала: умер у нее зять. И вот
Снится ей, будто лежит он как бы в чулане каком,
Не то в погребке — темень, самого чуть видно, тело в язвах,
Места живого нет, черный весь как головешка.
Она давай молиться, записки подавать, и что вы думаете’?
Снится он ей опять через год, половина язв уж сошла,
Кожа розовая. Все записки...

22

Идолы самоедов и круглые, как луна,
Как дневная луна весной, белой ночью,
Лагерные противоморозные маски,
Ржавый фонарь «летучая мышь», кукла,
Найденная неподалеку от сваленных в кучу
Детских крестов и гробов, выбеленных мерзлотой,
Кажется, там работали военнопленные, немцы, иначе
С чего бы кресты? Да и фото для «Шпигеля»

— Мне вот мост всю дорогу снится,
В детстве часто ходил по нему, одноклассник
Вовка Овечкин, жил на той стороне,
На улице Фарфористов — мост высоченный,
Борта повыбиты, лед уже лет десять не убирали,
Скальвать некому, скользко и ветер,
Составы внизу, темнотища, сугробы на крышах —
Похоже на рвы, снегом засыпанные

Ненецкое кладбище, тряпицы на ветках полярной ивы
И черные, красные, выгоревшие за три года
Ленточки в сквере за Белым домом

— А знаешь, что такое мост? Мост, который тебе снится?
Иисус говорит: мир сей мост. Проходи по нему
И не строй себе дома. Арабская надпись,
Оставленная на обломках моста.
У Мережковского прочитала. Город, пишет,
Построил какой-то монгольский завоеватель и тоже
Одни развалины остались от города

Музей краеведения — очень хороший музей.
Он закрылся давно. Музы окраин,
Музы в застиранных сарафанах,
Безголовые музы покинули мир,
Разбрелись по лесам чучела оленей, лисиц, кабанов,
Гуси-лебеди растворились в фольклорном небе,
И только глаза этих чучел, глаза мерзлоты,
Глаза старика из Олинфа — раба, приколоченного ко кресту,
Дабы Паррасий Эфеский убедительно изобразил
Муки страдающего Прометея:
— Паррасий, я умираю!
— Вот-вот! Оставайся таким!

ВАН ГОГ 27 ИЮЛЯ 1890

Наощупь и медленно как по забою,
Марая колосья, постскриптум кропя,
Китайскую тушь захвачу я с собою,
А те башмаки я тебе уступаю

ПЕРЕСЕКАЯ ТАГАНСКУЮ ПЛОЩАДЬ

Памяти Николая Шипилова

Мачты рвущей корнями обшивку листва,
Череп Йорика, бедный японский фонарик ли в ней
Над пустынным кварталом, над палубой,
Над неподвижным, как солнце любви,
Кораблем дураков... и морские ежи —
Утром всюду, ты знаешь, морские ежи —
Они тоже не прочь за военные астры,
За сливок альпийских кувшин

И несут меня двое, дурак и дурнушка, несут,
Утирают друг дружке платочками пот и несут,
И склоняется вечнозеленая мачта, шумит,
Миска для подаянья в зубах у пловца проблеснет —
Может, дать ему вишен? Сказать: это кровь бедняка?
Может, выйти на площадь? Опомниться, встать?

Нет, не вьюга меня целовала, язык — нет, не дом бытия,
А игорный — пожалуйста! — дом «Достоевский», но пусть,
Пусть какой ни на есть, но пребудет фонарик в ночи,
И в руках у монахини — лютя... гляди:
Узел с нечистью всякой нисходит с небес,
Мол, не брезгуй, закальвай, ешь, дурачок...

ДЕГУМАНИЗАЦИЯ

Все во имя массового человека,
Все для блага массового человека —
О не ведите, не ведите меня к нему,
Я не хочу видеть этого человека!

ЧУКЧЕ УДАЛЯЮТ КАМНИ ГЛУПОСТИ

Камни, камушки или камня,
Дом Бога, Бет Эль, жертвенник из неотесанных,
Неоскверненных камней и великолепии зданий,
Славящих зодчего и камнереза, заказчика,
Будь это царь Соломон или вовсе не царь,
А Борис Николаевич Ельцин

Камень на камень, кирпич на кирпич,
Лунные камни и камни безумия, Боже, тюльпаны,
Тюльпаны в моей голове! Удали их скорей, командир,
Эти метеориты, зачем они Лубберту Дасу?
Давай, извлекай их скорей, жестяная воронка!
Вдруг драгоценны они, камни глупости? Вдруг хризолиты?
Из бюргерских мочевых пузырей, говорят,
Извлекает Либориус фон Патеборн хризолиты.
Что ты удалил — то твое. Заодно и пожертвуешь
На монастырь, а то для чего он,
Мних этот здесь? Для чего здесь черница?
Бисером бархатный вышит кошель,
На главе ее книга покоится,
На золотые застежки застегнута.
Друг, для чего ты пришел?

27

Чукча верует Маленькой Нерпе,
Молится Маленькой Нерпе всегда,
Когда предстоит операция по извлечению камней
Из насковзь замороженного... нет, не мозга —
Какие у чукчи мозги? — так, болотце в родной лесотундре,
Дальше нее не сошлют, потому ничего не боится
В Голландии чукча, боится лишь Маленькой Нерпы:
А ну как обидится, и говорить перестанет?
И кости его станут воздухом или сияньем,
Колышимым ветром.....

ДВОРНИК ВО ВСКРЫТОЙ КВАРТИРЕ ВСПОМИНАЕТ ВОРОНИЙ ПРАЗДНИК

На мерзлоте в тот день, когда Архангел
Благою весть принес Отроковице,
С зимовья возвращаются вороны
И назван этот день Вороний праздник

Там птиц иных не водится — вороны,
Не ласточки весну приносят в сени
Барачного ковчега, извещают,
Что кое-где уж вышла из-под снега
Земля нагая как до погребенья
И желтая как глянec фотографий
С приветами из черноморских здравниц

Рассыпаны повсюду эти снимки,
Но дворник их уже не замечает:
Сам, как ворона, в ватнике глядит он
В твои владенья, солнце самоедов, —
Безумия врата, врата ночные
Из ясписа, сапфира, халкидона...

ЮНЫЕ СЮРРЕАЛИСТКИ С ГОЛОВАМИ-ЦВЕТАМИ И ДРУГИЕ ЧАСТИЧНЫЕ ГАЛЛЮЦИНАЦИИ

1.

Перья страуса, перья колышутся
Над запорошенным микрорайоном, огни,
То, должно быть, Нерон зажигает свои факела,
Нет, пожалуй, не он, не великий артист,
А какой-нибудь пьяный фонарщик с планеты людей,
Не вернувшийся летчик, а мы —
Мы стоим, как стояли, объятые пламенем,
Мы стоим как стояли спина к спине

Уточки-мандаринки плывут,
Юные сюрреалистки пришли с головами-цветами
К святому Антонию, синие бабочки, синие и голубые,
С глазами на крыльях, плывущие по коридору, а мы —
Мы стоим, как стояли, и перья колышутся
Над головами-цветами во льду

Локоть девственницы Сальвадора Дали,
Он растаял мороженым на солнцепеке,
Мираж над равниной, над утренним настом:
Шли стрельбы, я нежное место чуть не отморозил
И огненный трассер красиво ушел в молоко

2.

Первые дни юности с их непрямой перспективой,
Частичными галлюцинациями,
Явлениями на фортепьяно членов Политбюро,
Например, Арвид Янович Пельше:
Жизнь пройдет — будешь помнить:
Звали его Арвид Янович, этого Пельше,
Скитавшегося в поисках абсолютного ничего
Со всем упорством, со всей настойчивостью памяти,
Растекавшейся подозрительной синевой

Или красная оркестровая яма где-нибудь в Афганистане,
Полет шмеля над гранатом в утреннем молоке,
Солнце параноидального ледохода,

Твое пробуждение в бесперспективном пространстве,
Где до сих пор ветвится карликовая березка,
И улитка трогает рожками телефонную трубку,
И звенья рассыпавшейся твоей цепочки
Плавают, переливаясь, над островком Тишинского рынка

Но, бывало, росла во времени как бы некая ваза,
Не завершающаяся во времени ваза какой-то другой
Полуденной рыночной площади
С фигурками босоногих кармелиток
И исчезающим бюстом Вольтера

Взорванная голова наполнена облаками,
Архитектурными превращениями,
И дочь Западного ветра,
Повенчанная с ветром Восточным,
Дочь ветра со станции Котлас,
Возвращается, плача, к брачному ложу

ВОСХОДЯЩАЯ ОТ ПУСТЫНИ

Кто ты, восходящая от пустыни...

Песня Песней

Не Саломея, нет, соломинка скорей —
Просто соломинка с улицы Клязьминской,
Не стрекоза, не нагая плясунья в луче,
Зажигающем крылья стрекоз на стекле,
Не нагая плясунья — былинка Иезекииля

— Я ему говорю — молодой такой, русский-русый! —
Я ему говорю: ты бульон-то попей, пока он горячий,
Пирожки потом съешь, и не ходи к баптистам,
Зачем тебе, сам подумай, здесь, по Урицкого и налево,
Еще метров сто, и снова налево, у Макдоналдса,
Бывшее трамвайное депо, да ты знаешь, наверное,
Церковь там восстанавливается, как же ее,
Дмитрия Солунского, кажется, да, Дмитрия Солунского, —
Это там мне сказали: радоваться нужно,
Что онкология, что кранты — помнишь, рассказывала, —
Радоваться, а не об исцелении просить, представляешь? —
Так вот, я ему говорю: ты сходи, сходи туда,
Там бомжам работу дают: лед колоть, да мало ли что?
А он мне: Ты ангел, да?

Ангел, а кто же? Не Саломея на пиршестве Ирода
29 августа по Юлианскому, 11 сентября
По новому календарю, не Суламифь,
Восходящая от пустыни как бы столбы дыма,
Дыма котельных, не европейка нежная —
Просто соломинка в неугасимом огне Его

— А что, тридцать лет осталось, ну, пятьдесят, —
Вставляет отец Андрей, разрезая
Фаршированный рисом с морковью
Постный перец, — профессор Осипов
Семинаристам на лекциях об Антихристе
Так прямо и говорит: вы, мол, его сами его увидите
И с хоругвями встречать выйдете

— Отец Анатолий, вам чай или кофе?
А вам, отец Константин?

Тридцать лет, пятьдесят ли, но я,
Властью мне данной, расскажу тебе, как
Разгоралось неделю назад,
Блёлкло и снова являлось то здесь то там,
Молоком убегало, ходило за мной по пятам,
Колыхалось лучами зеленоватыми,
Словно соломенный смутный навес на ветру,
Сияние в Салехарде

В ЦЕРКВИ

Под гроздьями негибнущих светил
Идти сквозь виноградник Твой больной
И видеть сны, где снег со дна могил
Еще блестит под северной луной

ОДУШЕВЛЕННЫЕ

А вместо Баха и Моцарта был, вместо Пярта —
Флойдовский «Animals» с транс-цен-дентальным
Лаем собачим — о северный драйв,
Музыка сфер для тинэйджеров!
Агнцы и свиньи, тинэйджеры,
Свиньи и жемчуг светил,
Вавилонские реки во льду, впрочем, это
Уже «Вопу М» с их Распутиным

Всюду топорные видишь светила,
Думаешь, несть им числа над бараками, трубами,
Так и стоишь как свирельщик у врат
В «Мире музыки» около Новослободской:
Не Магнификат, не Берлинская месса —
Носящийся по ветру лай, перекрытия рухнули,
Холодно, страничек, холодно после заката Европы,
Висят, проломившись, мосты, леденеют стропила,
Висят облака отсыревшей овчиной на кольях,
Вода, как обычно, темна,
Словно выбоины в коробах теплотрасс,
И еще луннорогие цитры видны в той воде —
Добросовестной зоны жилой
Луннорогие цитры, огни...

ЗНАК

На белом поле красный крест
В ночи мелькнет тебе со скорой
И станет разуму опорой:
Вот поле выявленных мест,
И пусть не свет еще, но все же
В наплывах тьмы, в набегах дрожи
Он что-то значит, этот жест.

ЛЮСТРА

Памяти Георгия Иванова

Гуру шепчет инструкции на ухо трупу:
Бычьеголового Духа не бойся,
Цепляйся за крючья лучей —
Это лучи Дхармакайи,
Тусклый дым тебя манит — не следуй за ним,
То стихия земли, не Зерцалоподобная Мудрость,
Не струны тебе сострадающих Глаз.
Ухватишься же за эти лучи, соберись,
Будь внимателен, высокородный,
Будь внимателен, слушай и не отвлекайся,
Если ты и сейчас отвлечешься —
Лопнут струны тебе сострадающих Глаз.

То же самое жуткий, беззубый маэстро,
Жуткий маэстро, пропахший аптекой,
Твердит, инструктируя в русских своих fleurs du mal:
Расстреливают, говорит, палачи
Невинных в мировой ночи — не обращай вниманья,
Скользи своим царским путем
Лунных карнизов, поэт, посмотри:
Вот лучи, вот в холодном ничто,
Вот, во аде, вот в мутном пролете вокзала
Мимолетная люстра зажглась как венец

ФЛОРЕНТИЕЦ

По прихоти им вымышленных крил
Баратынский

Не кровь, но золотая льется ртуть,
И лед в мозгу, и птицам несть числа
Как звездам за бортом. Мороз и мгла

Блестит Дорога Мертвых — Птичий Путь,
И брачный тот чертог, его стропил
Обломки над крикливою водой
Отчетливо нам полюс предъявил
Под облаков летучею грядой,
Винтами этих вымышленных крил

Чернеет Антарктидой вне времен,
Но флорентиец, помнишь, говорил:
Он первую любовь сотворен

ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Памяти Венедикта Ерофеева

— Я не знаю вас, люди, я плохо вас знаю, —
Обратился он к соотечественникам, а была ночь
И знобило с похмелья, — но мне есть дело до вас:
Меня занимает, в чем теперь ваша душа,
Чтобы знать наверняка,
Вновь ли возгорается звезда Вифлеема
Или вновь начинает меркнуть, а это самое главное.
Потому что, — все более воодушевлялся он, обращаясь
К сидящим во тьме и сени смертной, —
Потому что все остальные катятся к закату,
А если и не катятся, то едва мерцают,
А если даже и сияют, то не стоят и двух плевков

И тут он увидел и черноусых мужеска пола и женска,
И декабриста в коверкотовом пальто,
И человека в телогрейке, и Митрича —
Слезы стояли в глазах у Митрича,
Слезы жалости к Лоэнгрину и к стенке,
Которую тот обмочил — все было жалко ему, дураку:
И лодку, и чирьи. Жалость, — подумал в сердце своем
Председатель пира, — первая любовь
Или последняя жалость — какая разница?
Жалость и любовь к миру — едины.
Любовь ко всякой персти, ко всякому чреву.
И ко плоду всякого чрева — жалость:
Вот основы православной культуры

И если Бодриар прав, и «Апокалипсисом сегодня»
Америка действительно выиграла войну во Вьетнаме,
То Россия, несомненно, выиграла битву с самой собой
Этими трагическими листами

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ КЛАДБИЩЕ НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Сам себе жертвенник, сам себе жрец,
перлами речи родной
за мороженый нырлящик...

Денис Новиков

Та глубина, уключины, ключицы,
Тот жертвенник, который самопал,
И никакая тварь не отлучит нас,
Как римлянам тарсянин написал

И се — стоит кириллицей при дверех
Глагол который век. Мороз и сон,
И в нем — крюки и петли, но не верю:
Все той же веткой снег твой осенен

СМЕРТЬ АВТОРА

Ирине Перуновой

I.

— А смерти автора, кстати,
Радовались и раньше: один иерей
Врал о похоронах Лермонтова:
Вы думаете, все тогда плакали?
Никто не плакал. Все радовались.
— Что нам до поля чудес, жено?
Но спит земля в сияньи голубом,
Те залитые известью ямы шаламовские,
Ученики в Гефсимании (в паузе слышно,
Как в детской дребезжат стекла
Вослед трамваю) — есть, пойми, узкий путь,
Узкий путь, а с виду безделица:
Звон каких-нибудь там
Серебряных шпор, когда ни одна звезда,
Когда звезды спали с неба как смоквы,
И небо свилось как свиток, как тот сударь,
И лишь та холстина в опалинах, тот тахрихим
(В паузе — отрывок блатного шансона,
Проехавший мимо) и подумать только:
Какой-то там фотолюбитель,
Какой-то Секондо Пиа

II.

112 борозд от «бича, наводящего ужас»,
30 точечных ран от терний, округлая рана
Между 5-м ребром и 6-м; сукровица, вода
И пыльца, занесенная ночным ветром
Из пустыни Негев или с берега Мертвого моря —
Солелюбивых растений пыльца, называющихся
«*Reaumuria hirtella*», «*Zygophyllum dumosum*»

III.

Крины сельные, трава полевая,
Нынче есть, завтра
Брошена в печь, в геенну,
Но Ты говоришь: Посмотри,
Посмотри, как волнуется нива, поручик.
Видишь ли ты этот ландыш?
Вот, он кивает тебе. Посмотри
На крокусы и анемоны, на маки —
Маки в полуденной каменоломне
У Эфраимских ворот,
Вдоль дороги в Эмаус, в Дамаск

IV.

...как бы игра Отца с детьми

О. М.

К сорнякам ли причтем это как бы?
Вот именно: как бы игра —
И сосуд, что струится веселием неисчерпаемым
В Айя-Софии, в Равенне, и эти
Бдения у монитора при свете
Не монитора, но белой часовни луны —
Свете, светящем во тьме над кремнистым путем,
Вдоль которого высоковольтная линия
Тянется через иссохший Кедрон

КРАСОТА ПО-АМЕРИКАНСКИ

Беги, Божье Дитя, в поющую пустыню
Томас Мертон

Буквиц горчичные зерна,
Кириллицу жидких кристаллов,
Вырастил, найден по ссылке, портал францисканцев,
Вот фотография утренней кельи трапписта —
Сарая, в котором устроил он скит,
Крест поставил, к нему прислонил колесо от телеги,
Вот утварь, корзины из ивовых прутьев
И клавиатура реликтовой, в Кремль набивавшей
Протестные письма печатной машинки,
Обломки какие-то. Света и тьмы.
Семена созерцания. Может быть, тыквы,
Лилий долин, нарциссов Саронских,
А вот и он сам, Иона. Он видит: горит Ниневия,
Не лучше ли было б остаться во чреве кита?
Ведь и Сам бы управил Господь как-нибудь,
Уберег Пастернака. Нет, странный какой-то он,
Этот траппист, от ожогов умерший в Бангкоке.
Вокруг него — дети цветов, и в поющей пустыне
Беги, — говорит Суламифь, —
На горах бальзамических серне подобен будь
И молодому оленю

ИЕРУСАЛИМ, ИЕРУСАЛИМ...

Десятый легион или отряд
Амона Ра, и шествует осляти
По веткам свежесрезанным, горят
Имперские орлы на месте святе,
Рябит в глазах от горлиц и ягнят,
И время уклоняться от объятий

ЛУНА МЭЛА ГИБСОНА

Фильм о Пасхе Распятъя снимался зимой:
Луна над усадьбой Гат-Шеманим
Белела над окрестностями Матеры;
Не в зелень иерусалимской весны
Одета была Гефсимания, но вопрошала,
Как Иова Иегова: Входил ли ты в хранилища снега
И видел ли сокровищницы града?
Кто проводит протоки для изливания воды
И путь для громоносной молнии, чтобы
Шел дождь на землю безлюдную, на пустыню,
Где нет человека? И луна над югом Италии
Белела как жертвенный камень в Вефиле

— Благословен ты, Господи, Боже наш, Царь вселенной, —
Мыслил в сердце своем Каиафа (Маттиа Сбраджа),
Благословен за плод лозы виноградной
И за хлеб, изведенный тобой из земли,
За горькие травы и эту луну,
Под которой, что было, то и теперь есть,
И что будет, то уже было,
И Ты воззовешь прошедшее,
Истребив — да погибнет имя его! —
Сбивающего с пути Израиля!

— Тридцать, тридцать, Иуда. На этом сошлись мы —
(Указывает на судный нагрудник с именами колен
Рувима и Симеона, Иуды и Левия, Вениамина,
Иосифа и Ефрема, Манассии, Завулона и Гада,
Дана и Неффалима), мы и ты
— Да, — отвечает Иуда (Лука Лонелло)

Не Сам ли Ты, Господи, разве не Сам, —
Вопрошает он пламя пасхальных жаровен, —
Не Сам ли Ты, Господи, заповедал нам чрез Моисея
Не жалеть и не прикрывать отвращающего от Тебя
Народ Твой? И что вы все смотрите так,
Будто все вы здесь первосвященники?
Пальма осанны на каждом из шекелей,
Надпись и храм, который бесчестят!

И луна над зимней Италией
Белела как чаша Грааля над Гротом агонии,
Ветка маслины в саду на переднем плане
Тянулась колючей проволокой, звезды —
Стражи святыни, небесное воинство —
Звезды спадали с небес, расхаживали по саду:
Желтые космы пламени,
Рубящие синеву Караваджо в скандальной ленте
Голливудского австралийца

ОТ ЧАСА ШЕСТОГО ДО ЧАСА ДЕВЯТОГО

И как мытарь тряпье твое ветер хамсин
Ворошит затмевая снега и конвой
И горит распускаясь в ночи керосин
Шелестит накрывая тебя с головой

НИК. Т — О

Искать следов ее сандалий
Анненский

А «талифа, куми» — нет, не «девица, встань»,
А «девочка, проснись»: руки коснулся,
Сказал чуть слышно: «Девочка, проснись»,
И след сандалий в воздухе морозном,
Над звонницами, чайными, пивными
Не в Царском — в Омске... талифа куми?

Весь этот груз обломков, ужас тела,
Уносит куклу черная вода,
Инверсионный след горит на солнце,
Луч на рожке подушки кислорода,
И вот уже не нужен кислород,
Как с ней не надо света. Ужас тела?
Сказать, что это я, что не молился,
Не выносил пасхального трезвона
И не молился никогда? Девица?
Нет, девочка. Не умерла, но спит

ТЫ ВО ВЗЛОМАННЫЙ СКЛЕП...

Ты во взломанный склеп привела с собой сад —
Беззаконный, сырой, охраняемый лишь
Светляками да брачным весельем цикад,
Звездным воинством — там, над уступами крыш

Петр к себе возвратился, ушел Иоанн,
Ну а ты все стоишь, все плывет наугад
Аромат бесполезный сквозь месяц нисан

Известь ям и надгробий да камень оград,
Проникающий свет, кровь пасхальной луны,
И на Ангелах твой не задержится взгляд

Никому не жена, никому не нужны
Ароматы твои, но плывет аромат —
Запах чистого нарда из склянки твоей,
В этом взломанном склепе усилив стократ
Свежесть снящихся мертвым волос и ветвей

ТА, ЧТО ДОЛЖНА БЫТЬ ГЛУПОВАТА

Та амфора пытливей самарянки,
Кувшин ли просто... Господом хранима,
Бежит вода, чиста после огранки,
В пространстве золотом, идущем мимо,
И водоносы, амфоры ли, склянки...

В пространстве золотом, идущем мимо,
Бежит вода, чиста после огранки,
И облако белеет нестерпимо
Над рынком, забытьем автостоянки,
Над блокпостами Иерусалима

СВЯЩЕННИК-ПОЭТ

О. Сергию Круглову

Узкий путь и другой,
Тоже узкий,
И один из них входит в другой
Как меч в ножны,
Как меч обоюдоострый,
Исходящий из уст
Сидящего на Престоле —
Пророка, Царя, Иерея вовек
По чину Мельхиседекову

ПРИЧАСТНИЦА

Вечери Твоя тайныя днесь,
Сыне Божий,
Причастницу мя приими,
Не бо врагом Твоим тайну повем,
Ни лобзания Ти дам яко Иуда,
И не знает никто, что за тайна,
Не знает никто, что случилось,
Говорили: подводное русло,
А плавали девки плохо,
Она и спасала, четырнадцать лет,
Причащалась у вас в воскресенье,
И руки, когда я листок с молитвой
Вложил в ее пальцы, руки были теплы,
И я видел воочию, видел впервые,
Свете тихий святых славы,
Видел своими глазами,
Чем отличалось успенье от смерти,
В августе, в полдень, в лесу
Целуя Твой образ на венчике
Отроковицы Анастасии

АНГЕЛЫ, СИЛЫ, ПРЕСТОЛЫ...

Север ли, смерть или просто
Солнцестояние вод
В венецианском стекле
Полярного круга:
Ангелы, Силы, Престолы —
Как по воде расходящийся круг

И золотой сухостой удлинённых фигур
Учеников у одра —
Так свечи, теснясь на каноне,
Гнутся от жара и видишь сквозь воду
Север ли, смерть,
Облака или белый хитон

28 августа 2006

СТАНИСЛАВ КРАСОВИЦКИЙ,
ОН ЖЕ — ОТЕЦ СТЕФАН

На столе блюдо с рыбой, вероятно, карп,
Мансарда с окнами на Радонежские леса,
Все дальше на север, и вот уже соловецкое солнце
Горит над Секиркой — не лампа,
Вот уже морестранник воздвиг кельтский крест
Над святилищем Аполлона Гиперборейского,
И линия Маннергейма свет отделяет от тьмы —
Свет трогающий все вокруг тебя
Как будто кровью рыбы золотой, сказал Айги,
Сказал: так прячут может быть за вьюшкой алмазы
Как был ты нежен в ветхих рукавах,
И эта улыбка попа-передвижки,
Хранителя сокровищ Нибелунгов, улыбка скальда,
Теперь — аскета (ты всегда в пограничной зоне),
Вкупе с обещанием пропуска к твоим озерам —
Дар драгоценнейший для сотрапезника

РОЖДЕНИЕ ВОЗДУХА

Памяти Эндрю Уайета

Оттепель явит мертвых
Трав зазеркалье, волны,
Волны и пух над ними, борозды океана,
Выпростал руки спящий из льдины, ветер
Сеет зеленую соль в солнечные лабиринты

Ныне Ты отпускаешь раба Твоего, Владыко,
Ибо видели очи мои довольно травинок,
Утренников и проталин, а эти пятна
Рыжих волос, и то, как ложился
Луч на лодыжку, переливался бисер
Воды на снопе пшеничном

Раб Твой исполнен днями и сыт Чеддс-Фордом,
Ныне от сна, позволь, не восстану, пусть остывает
Печь дровяная, благодарю, что ломились
Ведро всегда от лисичек, смородины и брусники,
А по зиме чернобурки сбегались из леса
Подкармливаться на свалках

Не тяжелей мое сердце перышка чайки-баклана,
Лодка на сеновале и в поле телега тоже
Не тяжелей, чем перышко, тоже белы, прозрачны,
А городов я не видел, Владыко, только
Ветра дощатый мир, перья, витая, строят
Лестницу винтовую

ПРЕСТОЛ ЗА 101-М КИЛОМЕТРОМ

Аистов гнезда на старых
Водонапорных башнях,
Ястребы на проводах вдоль дороги,
Совы, взлетающие из-под фар,
Бородинское поле поблизости, осень,
В стрельчатых окнах — Можайское водохранилище,
Праздник, на 1000\$ роз без числа
И геральдических лилий от спонсора,
Вазы под каждой иконой, летят журавли,
Аистов только вот кто-то убил
Накануне Успенья, престольного праздника,
И с водокачки над крышей школы —
Школы приюта — крыло из гнезда торчало
Три ли, четыре дня, а все-таки был он,
Был и на нашей улице праздник, всё было и
Как хороши в самом деле, как свежи!

ДЕТСКИЙ ПРАЗДНИК И ЕГО ИКОНА

Стало плотью и словом о плоти,
О воробьях, например, или рыбах всякого рода,
Смоковнице или драхме, о том и о сем —
Плотью от плоти, словесной тканью,
Лучшим ее порядком, не уступающим лилиям,
Не говоря уж о ризах — царских там или
Архиерейских, видимых еле во свете
Лимонного кадмия в самое темное время года —
Время заносов, снега на борщевике вдоль дороги,
Скользких ступеней, уверенно поправленных
Легкой стопой, маленьким сапожком

АВАРИЙНОЕ ОСВЕЩЕНИЕ

...или мальчик косой с металлической трубкой во рту
А. Еременко

Смотрит на лилии полевой командир
Или на заросли снега на стеклах подросток
Смотрит и видит: желтком из яйца вытекает в лагуну
Купальщиц, купальщиков сонм — в голубую лагуну
Из мирового яйца, и вокруг акватории — белые единороги,
Сидят пеликаны на спинах, приютские дети
Сбивают из лука плоды на скаку или летучую рыбу
Бьют острой в изумруде воздушных потоков,
И смотрит на лилии полевой командир, на заводное
Потешное войско под земляничной дикой:
Все наги и не стыдятся, и птицы небесные
Не умещаются в небе, гады морские, олени и зайцы
Теснятся в проходах, крутится-вертится шар голубой
Иеронима Ван Акена — визионера
Из лебединого братства Пречистой
Девы Марии, изобретателя мины-игрушки, он говорит:
Мы умерли все, а теперь — дискотека!
Что тебе снится, электрик Петров? Не сады ли
Земных наслаждений? Сегодня —
Ночь длинных ножей, пробивающих детям погибели
Пах и ладони, ночь новых соцветий, взгляните:
Свились на морозе морские коньки,
Подо льдом распускаются люминесцентные лампы,
Блестят позвонки, поплавки,
Шкура Марсия, не облака, шкура Марсия
Льется над судным ночным медосмотром, но вот —
Вот трава полевая, вот лилии у Царских врат, островки
Света ороговевшего, так посмотрите:
Сегодня они еще здесь, в поле вашего зрения, завтра —
Завтра разнорабочий Иван их ввергнет
В контейнер для мусора — разнорабочий Иван,
Что тоже наследовал Царство, глядя на них, забывая
Свое Приднестровье, котельную, весь этот джаз,
Акваторию с единорогами, незагорелую кожу
Цвета пелён твоих, Лазарь, лилий на солее,
У которой столпились приютские дети,

Но что там за солнце встает,
Что за люди вставать и не думают?
Птицы ли их поклевали, цветок ли пожрал их какой?
Только дым коромыслом над прорубью, только каток
И скворец-конькобежец во свете прожектора,
Но посмотрите: ныряет за жемчугом
Мальчик косой с металлической трубкой во рту

ЛАНДШАФТ

Стекля высоток и нищенство леса,
Луч истощится вот-вот, воцарится
Ночь как в начале, начале процесса,
Дым над водой и над водами — птица

СОДЕРЖАНИЕ

ИКОНА ОТСУТСТВИЯ, или АВАРИЙНОЕ ОСВЕЩЕНИЕ (<i>Н. Черных</i>).....	7
ТРАВЕЛОГ КРАВЦОВА (<i>С. Круглов</i>)	12
ХОЛОДНЫЙ ЦВЕТ ИСТИНЫ (<i>Л. Костюков</i>)	15
АЛТАРИ ТВОИ, БОСХ.....	17
AVENDLAND	18
КРУГ ЧТЕНИЯ	19
РУССКИЙ АВАНГАРД	20
МУЗЕЙ КРАЕВЕДЕНИЯ	21
ВАН ГОГ 27 ИЮЛЯ 1890	24
ПЕРЕСЕКАЯ ТАГАНСКУЮ ПЛОЩАДЬ.....	25
ДЕГУМАНИЗАЦИЯ	26
ЧУКЧЕ УДАЛЯЮТ КАМНИ ГЛУПОСТИ.....	27
60 ДВОРНИК ВО ВСКРЫТОЙ КВАРТИРЕ ВСПОМИНАЕТ ВОРОНИЙ ПРАЗДНИК.....	28
ЮНЫЕ СЮРРЕАЛИСТКИ С ГОЛОВАМИ-ЦВЕТАМИ И ДРУГИЕ ЧАСТИЧНЫЕ ГАЛЛЮЦИНАЦИИ	29
ВОСХОДЯЩАЯ ОТ ПУСТЫНИ	31
В ЦЕРКВИ	33
ОДУШЕВЛЕННЫЕ	34
ЗНАК	35
ЛЮСТРА	36
ФЛОРЕНТИЕЦ	37
ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ	38
АЛЬТЕРНАТИВНОЕ КЛАДБИЩЕНА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ	39
СМЕРТЬ АВТОРА.....	40
КРАСОТА ПО-АМЕРИКАНСКИ	42
ИЕРУСАЛИМ, ИЕРУСАЛИМ.....	43

ЛУНА МЭЛА ГИБСОНА.....	44
ОТ ЧАСА ШЕСТОГО ДО ЧАСА ДЕВЯТОГО.....	46
НИК. Т — О.....	47
ТЫ ВО ВЗЛОМАННЫЙ СКЛЕП.....	48
ТА, ЧТО ДОЛЖНА БЫТЬ ГЛУПОВАТА.....	49
СВЯЩЕННИК-ПОЭТ.....	50
ПРИЧАСТНИЦА.....	51
АНГЕЛЫ, СИЛЫ, ПРЕСТОЛЫ.....	52
СТАНИСЛАВ КРАСОВИЦКИЙ,ОН ЖЕ — ОТЕЦ СТЕФАН.....	53
РОЖДЕНИЕ ВОЗДУХА.....	54
ПРЕСТОЛ ЗА 101-М КИЛОМЕТРОМ.....	55
ДЕТСКИЙ ПРАЗДНИК И ЕГО ИКОНА.....	56
АВАРИЙНОЕ ОСВЕЩЕНИЕ.....	57
ЛАНДШАФТ.....	59

Книги поэтической серии «Русского Гулливера»

- В. Алейников. «Поднимись на крыльцо»
А. Аркатова. «Знаки препинания»
С. Афлатуни. «Пейзаж с отрезанным ухом»
И. Булатовский. «Стихи на время»
Е. Васильева. «Настала белая птица»
И. Вишневецкий. «Первоснежье»
Г. Власов. «Музыка по проводам»
Д. Григорьев. «Другой фотограф»
Л. Григорьева. «Сновидение в саду»
А. Грицман. «Голос ветра»
А. Давыдов. «Французская поэзия...»
Д. Драгилев. «Все предметы любви»
И. Жуков. «Готфрид Бульонский»
В. Губайловский. «Судьба человека»
А. Застырец «Онейрокритикон»
В. Земских. «Кажется не равно»
Л. Иванова (Андрукович). «В море одна волна»
И. Кучеров. «Стихотворения»
К. Латыфич. «Человек в интерьере»
А. Ливри. «Посмертная публикация»
Г. Лоран. «Первое слово съела корова»
В. Месяц. «Безумный рыбак»
А. Мирзаев. «Дерево времени»
К. Омар. «Каблограмма»
Ю. Орлицкий. «Верлибры и иное»
К. Рубахин. «Самовывоз»
С. Соколкин. «Я жду вас потом»
Ю. Соловьев. «Убежище»
А. Стесин. «Часы приёма»
Д. Строцев. «Бутылки света»
А. Тавров. «Зима Ахашвероша»
Ф. Тебризи. «Черное солнце эросов»
Л. Ходынская. «Маскарад близнецов»
Н. Черных. «Похвала бессоннице»
Ф. Чечик. «Алтын»
М. Шатуновский. «Сверхмотивация»

Константин Кравцов
АВАРИЙНОЕ ОСВЕЩЕНИЕ
Стихотворения

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта *Вадим Месяц*
Главный редактор серии *Андрей Тавров*
Макет и верстка *Валерий Земских*

В оформлении использованы рисунки
Giovanni Battista Braccelli

«Русский Гулливер»
тел. +7 495 159-00-59
www.gulliverus.ru
russian_gulliver@mail.ru

По поводу покупки книг звонить:
+7 (905) 575 4103
Олег Асиновский

Подписано к печати 07.03.2010. Формат 140 × 200.
Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС.
Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Cherry Pie»
112114, г. Москва, 2-й Кожевниковский пер., 12